«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает «Однажды…»

Мой папа был младшим ребенком в семье. Родился он в крупном селе, вырос в большом частном доме с огромным участком плодородной земли, на котором росло абсолютно всё. Был приучен к труду, любил возиться на огороде и в саду, всегда ответственно относился к домашней живности. Бабушка держала курочек, гусей, индюшек и корову. Летом вместо мальчишеских развлечений отец работал пастухом. Когда пришло время выбирать профессию, папа, не раздумывая, решил стать ветеринарным врачом, чтобы навсегда связать свою жизнь с малой родиной. Родители поддержали сына, единственным противником его выбора стала старшая сестра Люба. Она родилась на десять лет раньше папы, воспитывалась в тех же традициях, но почему-то с юных лет презирала местных жителей, а родное село считала дном жизни.

Окончив восьмилетку, молодая выпускница самостоятельно отправилась в самый большой город своего региона и вскоре сообщила родителям, что поступила в педагогический техникум. Через четыре года Люба получила диплом учителя начальных классов, устроилась работать в обычную городскую школу и получила комнату в малосемейном общежитии коридорного типа. Родители умоляли дочь вернуться домой. Председатель совхоза манил молодую учительницу высокой заработной платой и собственной квартирой, но Люба запретила вести разговоры на эти темы. Она строила грандиозные планы на свою жизнь, рассказывала о преимуществах городской жизни, но высшего образования не получила, личную жизнь не устроила, преданных друзей не приобрела.

Люба редко навещала своих родителей, их образ жизни она презрительно называла батрацким, но с радостью угощалась дарами их труда и с удовольствием брала с собой в город сыр, заготовки, домашнюю тушенку, овощи и фрукты. Охваченная партийными идеями, при встречах она читала младшему брату лекции по научному коммунизму, в назидательной манере поучала смыслу жизни, чем вскоре стала его раздражать.

После окончания обучения в школе молодой загоревший, поджарый парень отправился в город, где жила его старшая сестра, чтобы реализовывать свою мечту и стать ветеринарным врачом. Хорошая подготовка, настойчивость и целеустремленность позволили юноше без труда поступить в сельскохозяйственный институт и закончить его с отличием. На все уговоры Любы остаться жить в центре областной цивилизации

молодой дипломированный специалист отмахивался и с нетерпением ждал возвращения домой.

Директор родного совхоза с радостью принял долгожданного врача и пообещал в случае свадьбы вручить ему ключи от квартиры. Ждать пришлось недолго.

Этой же осенью в совхоз, где работал папа, на сбор овощей приехали будущие выпускники педагогического института. Среди множества красивых девчат он выбрал одну, которой вскоре предложил стать его женой.

Моя мама родилась и выросла в городе, где учился отец, и вовсе не планировала переезжать в деревню, но любовь оказалась сильнее планов. После сдачи государственных экзаменов в университете, молодые сыграли пышную свадьбу. Гуляли, как было принято в те времена, три дня. Столы ломились от еды, а горячительные напитки лились рекой. Гости пели и плясали, молодые целовались и не могли отвести глаз друг от друга. Судя по фотографиям, которые хранятся в нашем архиве, на свадьбе царила радостная атмосфера: счастливые улыбающиеся лица были тому подтверждением. Только одному человеку было не до улыбок. Хмурый и суровый вид тети Любы вызывал у меня недоумение. Значительно позже я узнала, что тетка считала мою маму деревенщиной и была против этого брака.

Несмотря на городское происхождение невестки, золовка полагала, что в селе живут только те, у кого деревня внутри. На свадьбе молодую семью она назвала неудачниками, их приземленные планы и мечты – мещанской жизнью. Будучи яростным атеистом, тетя Люба требовала убрать иконы из дома. Когда она уехала, все облегченно вздохнули. Жизнь пошла своим чередом.

В школе, где работала тетя Люба, её очень ценили за принципиальность, регулярно вручали почетные грамоты, но не исполнили мечту стать народным учителем СССР, что сильно огорчало уже немолодую женщину.

Через несколько лет родилась я. Папе дали большой участок земли рядом с его родителями. Жить в квартире он не захотел и с помощью родни, друзей и коллег построил свой дом. Когда мне исполнилось два года, мы переехали в наш «дворец» – так

называли его мои родители. Еще через два года родилась сестра Даша. Все было словно в прекрасном романе. Будни были как у всех, а выходные проходили, словно праздник. Мама готовила блинчики или оладушки, которые мы кушали с ароматным вишневым вареньем. Папа часто брал меня с собой на рыбалку. В поле мы собирали цветы для мамы, вечерами накрывали большой стол, чтобы поужинать с дедушкой и бабушкой. Иногда к нам в гости приезжала городская родня, привозила нам с Дашенькой модные в ту пору разноцветные японские платья с бабочками на груди, белые диковинные колготки с рисунком, босоножки из мягкого пластика, жвачку и конфеты.

Тетя Люба крайне редко гостила в родном селе, но часто писала длинные письма, которые папа читал вслух. Обычно она повествовала о жизни детей, поступающих на её обучение, но однажды написала о себе. В сорокалетнем возрасте тетя Люба тайком от нас вышла замуж за вдовца старше её на пятнадцать лет и сообщила об этом только когда поменяла фамилию. Учитывая возраст и состояние здоровья, матерью она не смогла стать, но пыталась наладить отношения с взрослой дочерью Ильи Степановича от предыдущего брака. Остальная часть письма была посвящена обидам на свою родню за одиночество и чрезмерную любовь к невежественному брату и его деревенским отпрыскам. С тех пор переписка почти прекратилась. В наш адрес поступили поздравительные открытки с очень сухими пожеланиями.

Когда мне исполнилось шесть лет, а Даше четыре, папе дали путевку в пансионат. По дороге к месту отдыха он решил заехать к сестре, чтобы повидаться и передать гостинцы. Но тетя Люба была нам не рада. Как только мы вышли из вагона, она высказала претензию брату: «Зачем ты приехал со всем колхозом?» По пути с вокзала на электричку мы молчали, зато тетя Люба разошлась не на шутку. Она язвила, что отец наплодил нищету, требовала объяснений, зачем была вторая беременность, тыча пальцем в Дашу, будто она вещь. Тетушка возмущалась политической обстановкой в стране и ослаблением позиций коммунистической партии. Её агрессивные речи обжигали, будто огонь. Тетя Люба не производила впечатления женщины, отмеченной личной трагедией, связанной с бездетностью, её нельзя было назвать счастливой женой, купающейся в счастье. Она больше напоминала революционера, митингующего на трибуне. В электричке под «обстрел» попала кондукторша, которая скрюченными от подагры пальцами не смогла сразу оторвать билет для тети Любы. Потом в поле зрения оказался юноша, не уступивший ей место. От крика, общего напряжения и невероятной духоты меня стало тошнить. Казалось, мы никогда не доедем до своей остановки.

В доме тети Любы ждал приятный улыбчивый мужчина – Илья Степанович. Он обнял нас с Дашей, вручил по леденцу на палочке и пригласил к столу. Увидев эту картину, тетя Люба завелась с новой силой. Теперь причиной гнева стал собственный супруг, который

был заранее предупрежден о запрете давать детям сладкое до приема пищи. Илья Степанович виновато пожал плечами, попросил жену не ругаться, поскольку речь шла всего лишь о детях. Слова мужа её окончательно взбесили. Посыпались обвинения в том, что он ни на что не способен, отвратительно воспитал свою дочь, а теперь дурацкими поблажками портит и без того изуродованное деревенское невоспитанное отродье. Тут вступился отец, он попросил успокоиться и перестать всех оскорблять. В ответ тетя Люба язвительно заявила, что еще не начинала этого делать. Напряженная атмосфера давила. Даша стала громко плакать, я прижалась к маме и стала умолять уйти из этой жуткой квартиры. Тетя Люба стала обзывать нас тупыми овцами. Не отвечая на грубости, на одну руку папа подхватил младшую дочь, второй – взял большой чемодан и сказал, что мы уходим. Вместо уговоров остаться, нам в спину понеслась ругань тети Любы, которая не поленилась и выскочила на лоджию, чтобы на весь двор прокричать ругательства в адрес нашей семьи.

Родители молча добрались до ближайшей гостиницы. Вечером обменялись дежурными фразами, только к утру в номере гостиницы появилось прежнее тепло и настроение отпуска. Несколько дней мы гуляли по чужому городу, кушали в красивых кафе, любовались прекрасными фонтанами. В назначенное время мы отправились на вокзал, где встретили тетю Любу. Она широко улыбалась, в руках держала большой пакет. Обняв папу, тетя Люба сухо попросила прощения за свой вспыльчивый характер, вручила нам пакет с пирожками собственной выпечки и очень доброжелательно пожелала счастливого пути. Обескураженная мама не смогла произнести ни слова. Тетя Люба вслед махала платком, которым утирала крупные слезы, катившиеся по её немолодым щекам.

Папа нежно погладил мою голову и сказал, что родню не выбирают. Маму поцеловал, извинился за сестру и попросил не злиться. Только Даша не нуждалась в объяснениях, как только поезд тронулся, она уснула. На обратном пути папа не стал навещать сестру. Это было последнее лето Советского Союза и времени, когда мы были все вместе. Той же осенью Даша умерла…

Трагедия случилась у нас во дворе. В тот день мама с бабушкой возились с заготовками на зиму, нас отправили гулять за дом. Даша всё время капризничала и не хотела играть в песочнице. Она требовала, чтобы я покачала её вместе с любимой куклой на качелях. Усадив сестру на сиденье, я попросила держаться обеими руками, но маленькая вредина снова стала плакать и обещать, что удержится одной рукой, поскольку второй ей нужно прижимать покрепче свою куклу. Я толкнула качели, они противно заскрипели. Даша перестала хныкать, начала заливисто смеяться и просить раскачать её сильнее. Я спорить не стала, толкнула несколько раз конструкцию и вдруг сестра соскользнула с деревянного сиденья и шлепнулась на землю. Я не смогла удержать качели и приказала

Даше не вставать, малышка ослушалась меня, приподнялась и получила удар по голове металлической конструкцией.

Даша потеряла сознание. От ужаса я закричала не своим голосом. Мама выскочила на крик, без лишних слов схватила дочь и бегом отнесла её в местный фельдшерский пункт. Фельдшер в тот день был на выезде в другую деревню. Карета скорой помощи повезла Дашу с родителями в районный центр, где уже ничего не смогли сделать.

Когда родители вернулись, мне стало понятно, что Дашу не спасли. Со мной случилась истерика, ведь я считала, что убила свою сестру. Родители поили меня какими-то каплями и всё время твердили, что это был несчастный случай. Всем было горько и больно от такой страшной потери. Только виновной в трагедии я считала себя. Слова поддержки и соболезнования слышались от всех домов нашей деревни. Трогательные телеграммы приходили с разных городов, где жила наша родня. Лишь от тети Любы не было весточки.

Отец почти сразу спилил те злосчастные качели, но я еще много лет слышала их скрип и глухой удар по голове любимой сестры. С тех пор меня стал преследовать один и тот же сон, в котором я могла спасти сестру, не потакая капризам. Просыпаясь, понимала, что потеряла её навсегда. Я стала замкнутой и молчаливой. Моя бабушка старалась по-своему излечить меня от душевных терзаний. Она накрывала меня какой-то красивой тряпицей, прикасалась к моей голове и что-то шептала. Я не знала, что она говорила, но после этого мне всегда почему-то хотелось плакать, а потом становилось немного легче.

Когда мне исполнилось тринадцать лет, мы узнали, что муж тети Любы Илья Степанович умер. Соседи написали, что тетя Люба окончательно сошла с ума, ей нужна была помощь. Мы с мамой ехать наотрез отказалась, поэтому папа отправился в город один. Вместо нескольких недель папа вернулся через три дня. Он рассказал, что Люба снова дежурила «на боевом посту», она не плакала, но опасалась потерять свою квартиру. Папа познакомился с дочерью Ильи Степановича Марией, она была на несколько лет старше отца, произвела на него приятное впечатление. Умная, образованная женщина поддерживала мачеху, вместе с ней несколько лет ухаживала за своим отцом после инсульта. Однако моя тетка придумала целую историю про захват жилья со стороны падчерицы. После смерти матери Марии ей досталась приличная квартира, она хорошо зарабатывала и претензий к имуществу отца не имела, но постоянно находилась под подозрением у неугомонной вдовы. Оценив обстановку, мой папа понял, что его сестра не нуждается в поддержке, и решил вернуться домой…

Время шло. Боль от потери сестренки не утихла, но притупилась. Когда у нас в селе построили небольшую церковь, бабушка решила меня покрестить. Зайдя в помещение, я не знала, что делать и как себя вести. Старенький, седой настоятель, к которому я обратилась за помощью, объяснил, что перед крещением нужно исповедаться. Мне было сложно откровенничать с незнаковым человеком, но он смог найти такие слова, которые открыли мою душу. И вдруг из неё стала выходить «чернота». Когда случилась трагедия, я винила только себя, а теперь, спустя годы, говорила, что в смерти Даши виноваты все: мама, которая отпустила двух маленьких девочек на улицу без присмотра; тетя Люба, проклявшая нас с рождения; отец, не приструнивший свою сумасшедшую сестру; бабушка и дедушка, родившие такую змею, как тетя Люба. Когда я замолчала, мне стало страшно от своих слов. Священник, выслушав меня, сказал, что обиды – не лучшие советчики в преодолении боли. Рассказал много библейских историй, в которых только любовь и вера стали спасением даже для самых заблудших душ. Покаяние и прощение должно было принять мое сердце, мольба за душу сестренки и здоровье родных – стать главным занятием. Мне было сложно сразу принять слова батюшки, я пообещала подумать, но крещение отложила.

Школьные годы пролетели стремительно. Мне нужно было определиться с профессией. Папа осторожно начал разговор о моём переезде в город и временном проживании у тети Любы. Я мгновенно взвилась: одна только мысль о встрече с этим монстром вызывала в моей душе ярость. Вспыхнув, как костер из сосновых веток, я начала кричать, но через минуту поняла, что своей реакцией напоминаю тетю Любу. Мне стало страшно, ведь подобное сходство доказывало, что мы родня. Папа успокоил меня, сказал, что тетя Люба написала очень трогательное письмо, в котором рассказала, что стала участником религиозной организации, открывшей в её сердце Бога. Братья и сестры по вере вылечили её раны от потери мужа и научили любить всё живое вокруг. Это преображение ненавистной тетки меня не впечатлило, но папа пообещал, что переселит меня в общежитие, если та начнет «чудить». Он не смог меня сопровождать, был занят на работе. В город на поступление я отправилась с мамой.

Нас встретила бабушка, в которой я еле узнала тетю Любу. Голова этого божьего одуванчика была покрыта серењким платком, ноги прикрывало длинное платье. Она блаженно напевала песенки и благодарила Бога за наш приезд. Дома нас ждал ужин. Я заметила, что из квартиры исчезли телевизор и книги. Не было ни одной иконы. Тетя Люба объяснила, что информацию о происходящей жизни она получала только от главного брата её религиозной организации. На общие нужды она отдавала десять процентов пенсии, по выходным молилась за всех сестер и братьев. Вечер прошел в благоприятной обстановке.

Через сутки начались претензии по поводу брюк, которые я обожала. Мужскую одежду носить в её доме было запрещено. Еще через сутки она потащила маму в молельный дом к «своим», где яростно агитировала за вступление в организацию. Мама с трудом вырвалась из этой компании молодых людей, почему-то прекрасно говорящих на английском языке.

Перед последней сдачей экзамена мы решили прогуляться. Тетя Люба составила нам компанию. Когда мы сели в электричку, транспорт резко дернулся, и молодой мужчина, не успев схватиться за поручень, случайно наступил ей на ногу. Вежливо извинился и отвернулся. Глаза тети Любы мгновенно наполнились кровью. Она кричала так, будто мужчина лишил её ноги. Никогда прежде я не слышала столько нецензурной брани и слов проклятья. «Преступник» оторопел, попятился и выскочил явно не на своей остановке. Посмотрев друг на друга, мы с мамой поняли, что тетя Любы ничуть не изменилась и жить в её квартиры мне не придется.

Вскоре после отъезда мамы я поняла, как скучаю по своей семье и дому, по теплым рукам бабули, нежным словам папы, песням деда, блинчикам мамы. Мне снова стало стыдно и горько оттого, что я когда-то сказала священнику. Больно было всем, каждый частично корил себя за трагедию, только я вместо поиска мира в душе стала превращаться в тетю Любу. Услышав звон колоколов на звоннице рядом с общежитием, я захотела сходить в храм. Такой красоты и света я не видела прежде. Теперь я была готова к новой жизни, которая началась со слов прощения перед своими близкими.

Тетя Люба, узнав адрес общежития, встретила меня на входе и предложила прийти в субботу к ней в гости поужинать. Сначала я отказалась, но, увидев одиночество в глазах тетушки, решила прийти. У тети Любы были гости: Мария, дочь покойного супруга, и Никита, его внук, о существовании которого я не подозревала. Высокий красивый парень лет двадцати был очень похож на своего деда. Мы сразу нашли общий язык. Никита предложил мне прогуляться во дворе. Уходящая осень дарила последнее тепло, мы решили им насладиться напоследок.

Я рассказала, что учусь в педагогическом университете, он с удивлением ответил, что учится там же, только на третьем курсе. Я должна была получить диплом учителя русского языка и литературы, Никита – физики и математики. Мы посмеялись над совпадением и договорились чаще встречаться в университете.

Учеба давалась мне очень сложно, но встречи с Никитой украшали мои будни. С ним даже ужины с тетей Любой проходили в дружеской и веселой обстановке. Она гордилась тем, что мы оба выбрали самую нужную профессию, и мечтала увидеть на нас медаль «Народный учитель СССР». Мы смеялись, говорили, что таких наград больше нет, но для неё это было неважно. Она заявила, что отпишет квартиру тому, кто останется жить и работать в городе. Я улыбнулась и ответила, что мое место рядом с семьей, поэтому дарственную нужно оформить на Никиту. Молодой математик мечтал переехать в Англию, чтобы учить детей русских эмигрантов своему предмету, поэтому квартира в этом городе ему была не нужна. Мы смеялись, но к согласию так и не пришли…

Летом, после первого года обучения, я приехала домой и почти сразу покрестилась. Родители меня не узнали. Мой взгляд и мысли были совсем другими. Я попросила родителей помочь переклеить обои в комнате и сделать перестановку мебели. Затем рассказала о своей новой жизни, которую хотела прожить свободной от горя. Родные слушали меня внимательно, но потом почти хором спросили: «Ты влюбилась?» Я отнекивалась, требовала сосредоточиться на моих словах, но в душе осознала, что родные были правы.

Наш роман расцвел после летнего расставания. Но я понимала, что у нас совершенно разные цели, поэтому не питала иллюзий насчет долгого и счастливого будущего. Тем более о будущем мы никогда не говорили. Через три года Никита получил диплом, но, к моему удивлению, устроился работать в школу рядом с моим общежитием. На вопрос об отъезде в Англию Никита отвечал, что нуждался в опыте работы для получения хороших рекомендаций. Я обрадовалась и ни о чём больше не спрашивала. Просто любила своего математика.

Когда я училась на последнем курсе, тетя Люба тяжело заболела пневмонией. Братья и сестры во Христе активизировались, стали чаще навещать больную в сопровождении нотариуса и рассказов о безграничной любви к болящей. Перед смертью она долго и много просила прощения. Правда, с мамой общаться наотрез отказалась, лишь просила передать ей красивое старинное кольцо с рубином – подарок Ильи Степановича на их свадьбу. Рассказала, как неправильно прожила свою жизнь в погоне за ложными идеями. Много и долго рассказывала другим, как надо жить, но сама так и не научилась любить. Наделав в молодости абортов, прогоняя прочь настоящие чувства, она ждала влиятельного партийного функционера на черной «Волге», который должен был украсить её жизнь путевками в Болгарию и заграничными шмотками. Но этой мечте не суждено было сбыться. Молодость пронеслась, как скорый поезд, оставив за собой лишь пустые рельсы. С годами в душе окончательно поселилась зависть к своему брату: его любили родители, жена, родные дети, коллеги. Он был, словно отмеченный Богом,

купался в любви и заботе. Потеряв дочь, сохранил тепло в своем сердце. Тетя Люба попыталась рассказать про свой несчастливый брак, но сильно закашлялась. Выпив сладкого теплого чая, она еще раз сказала: «Простите меня», – и уснула вечным сном…

Вся родня приехала на похороны своенравной женщины. Узнав, что при жизни тетя Люба отписала квартиру Марии, её религиозные друзья на панихиде не появились. Летний дождь завершил тот вечер, смывая с наших глаз слезы…

После сдачи государственных экзаменов я с однокурсниками отгуляла веселый выпускной. К тому времени наше село получило статус районного центра, там построили новую школу, где требовались учителя. Подружки ехать со мной отказались, они мечтали устроиться в городе. Я простилась с институтом и перед отъездом домой решила поговорить с Никитой о будущем, но разговор получился скомканным и немного нелепым. На прощанье я подарила ему русско-английский словарь и уехала домой навсегда.

В поезде я вспоминала его робкие предложения остаться, еще раз подумать, переехать жить в квартиру тети Любы, попробовать пожить вместе. Но я любила свой дом и людей, живущих в нём, ясно видела дело, которому хотела посвятить жизнь, знала, что в новой школе буду очень нужна. Ничего, кроме вялых рассуждений, Никита мне не предложил. Он передумал жить и работать в Англии, но и переселение в деревню считал утопией.

Наше расставание было тяжелым, но мне нужно было, не оглядываясь, идти вперед к своим целям. Вскоре я вышла на работу и встретила мужчину, подарившего мне счастье. Он был родом из большого города, но, почувствовав настоящую любовь в своем сердце, остался со мной там, где нет дорожных магистралей, огромных заводов и комбинатов. Быть может, со временем наши дети захотят стать городским жителями, но пока они радуются первой ягодке на большом огороде и огурцам, выращенным своими руками…

Ариша ЗИМА